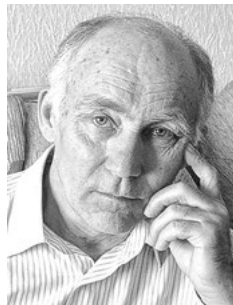

РУСТАМ ТУХВАТУЛЛИН

МАРС ЯГУДИН

НА ПАРАЛЛЕЛЬНЫХ ОРБИТАХ ПАМЯТИ

ИНТЕРЕСНО: ВСТРЕЧАЮТСЯ ЛИ В ПРОСТОРАХ ВСЕЛЕННОЙ КОМЕТЫ, ЛЕТАЮЩИЕ КАЖДАЯ ПО СВОЕЙ ТРАЕКТОРИИ? МОЖЕТ БЫТЬ, ОДНУ ИЗ НИХ ВДРУГ ПОДТОЛКНЁТ СЛУЧАЙНЫЙ АСТЕРОИД, ИЗМЕНИВ ТЕМ САМЫМ НАПРАВЛЕНИЕ, И КОМЕТЫ НАЧИНАЮТ СБЛИЖАТЬСЯ? ПОПАДАЯ В ПОЛЕ ТЯГОТЕНИЯ ДРУГ ДРУГА, ДАЛЬШЕ ОНИ УЖЕ ЛЕТАТ ВМЕСТЕ, ПО ПАРАЛЛЕЛЬНЫМ ОРБИТАМ. ТАК ЖЕ, ВИДИМО, МОЖЕТ ПРОИСХОДИТЬ И С ЛЮДЬМИ. ВОТ ЖИЛИ БЫЛИ ДВА ЧЕЛОВЕКА, ОБА УЖЕ В ВОЗРАСТЕ, НИКОГДА РАНЕЕ НЕ СЛЫШАЛИ ДРУГ О ДРУГЕ, НО ВДРУГ ВСТРЕТИЛИСЬ И СТАЛИ ДРУЗЬЯМИ. И ВОЗНИКЛО ОЩУЩЕНИЕ, БУДТО ОНИ ДРУЖИЛИ С САМОГО РАННЕГО ДЕТСТВА. САМОЕ ЛЮБОПЫТНОЕ В ЭТОМ — ЧТО ИЛИ КТО, КАКИЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ПОСЛУЖИЛИ ФАКТОРОМ СБЛИЖЕНИЯ...

Рустам Тухватуллин: У моего отца, известного татарского писателя Рафаила Тухватуллина, которому в 2024 году исполнилось бы 100 лет, есть автобиографическая повесть «Ягодные поляны», переведённая на восемь европейских языков. Много раз перечитывая её, я не мог не заинтересоваться судьбами некоторых героев, в частности — репрессированного учителя моего отца Нафика Ягудина. Это тот самый учитель, про которого мой отец в тринадцатилетнем возрасте, придя в библиотеку села Большой Менгер за книгой, случайно услышал, что он писатель. Было невозможно поверить, ведь писатели — это необычные, великие люди, думал он, а тут наш сельский учитель... И мальчишка Рафаил подкрался ночью к дому учителя

и, заглянув в окошко, увидел — действительно, Нафик абый при свете керосиновой лампы что-то пишет, глубоко задумываясь при этом. Нет, тетрадки так не проверяют!

«Я ожидал чуда, ожидал преобразования нашего учителя, — пишет отец в своей повести, — а он... взял да женился. Женился как обыкновенный земной человек на обыкновенной какой-то библиотекарше. А после свадьбы до того докатился, что стал ходить с чёрной сумкой в магазин. Вот вам и писатель! Вот вам и необыкновенный человек: стоит в очереди за мясом, ходит к колодцу за водой, окучивает грядки в огороде. Делает всё, что и другие, что даже я делаю... Он такой же человек, как и все, такой же, как и я... Значит, и я... Я тоже... Ой, об этом даже страшно подумать... Ведь тогда и я смогу стать писателем!.. Эта внезапная, ужаснувшая меня кошунством мысль..., равная богохульству, поразила меня как удар молнии, испепелив детское моё сердце сладостной мечтой...»

Но запала в душу Рафаила искорка, и он начал писать сказку, ибо — теперь-то есть перед кем открыться. Но не успел. Учителя арестовали осенью 1937 года как «врага народа». Через несколько месяцев мальчишка Рафаил всё же сумел показать написанную сказку другому настоящему писателю — Абдулле Алишу, будущему соратнику Мусы Джалиля, прибыв в Казань из деревни и разыскав в огромном городе Дом печати...

Но это уже другая история. А я начал искать в интернете сведения об учителе, зажёгшем искру в душе моего отца. Ведь ныне стало много информации о репрессированных, расстрелянных в те страшные годы. Искал долго, года два, но ничего, кроме короткой заметки о том, что Нафик Ягудин был арестован как «троцкист», не нашёл. А спустя какое-то время на сайте «Проза.ру», где я размещаю и свои рассказы, наткнулся на заметку какого-то Марса Ягудина «Фронтовые дневники отца». Имя этого отца — Нафик, разумеется, тоже Ягудин. Подумалось — вдруг тот самый? Может, не расстреляли? Но как найти этого Марса, если нет ни адреса, ни телефона. Догадался написать в разделе «рецензии», что у моего отца был учитель Нафик Ягудин, не ваш ли это отец? И Марс мне ответил...

Марс Ягудин: Во всемирной паутине у меня есть страница, где я размещаю свои рассказы, эссе и миниатюры. Впрочем, бывает, что не заглядываю туда подолгу. Но летом, поехав в родную деревню, у племянника в интернете нашёл свою страницу и открыл её. О! На материал «Фронтовые дневники отца» — новый отзыв. Открываю, читаю: «Марс, здравствуйте! Мой отец Рафаил Тухватуллин в своей автобиографической повести „Ягодные поляны“ с любовью пишет про учителя татарского языка и литературы Нафика Ягудина. Он пишет, что именно Нафик абый разбудил в нём желание стать писателем. К сожалению, пишет папа, через год он исчез... В интернете среди репрессированных я нашёл человека по фамилии Ягудин Нафик Халикович. Скажите, это не ваш отец?»

Наверное, такого волнения я ещё никогда в жизни не испытывал. Не веря своим глазам, читаю ещё и ещё раз, вскакиваю, показываю запись брату... Немного придя в себя, сажусь писать ответ: «Здравствуйте, Рустам! Извините, что вовремя не ответил.

Ягудин Нафик Халикович, действительно, мой отец. Когда-то я с волнением прочёл повесть вашего отца „Ягодные поляны“. Каждый вечер ваш отец, ученик шестого класса, видел в окно, как мой папа что-то пишет за столом. Он писал тогда роман „Казачи“. В своё время роман не напечатали под предлогом, что в нём не отражена работа большевиков. Рукопись романа чудом сохранилась на чердаке нашего дома. Я его набрал в компьютере, но не был уверен, что его примут где-нибудь. Так прошло несколько лет. Наконец, решил послать в журнал „Казан утлары“. Оттуда тут же позвонили, сказали, что роман замечательный, его будут печатать. И роман увидел свет в ноябре 2017 года... Я так рад, Рустам, что вы написали!».

Рустам отозвался тут же: «ФАНТАСТИКА! Марс, напишите мне, как сложилась дальнейшая судьба вашего отца, как он избежал расстрела, как попал на фронт, дописал ли свой роман?»

На эти вопросы я уже мог и был рад ответить. В то сложное время (конец 30-х годов минувшего века) появилось постановление о перегибах в работе органов внутренних дел, и отца, наряду с некоторыми другими приговорёнными к расстрелу, освободили. Но он уже не вернулся на свою прежнюю работу, его назначили инспектором в отдел народного образования Атинского района ТАССР. Отсюда его призвали в армию. После прохождения курсов младшего комсостава отца назначают командиром миномётного расчёта и отправляют на Северо-Западный фронт. И вот папа записывает в своём блокноте слова комиссара перед боем: «Когда весь мир кипит в котле огня, с этой точки зрения и надо рассуждать... Любите землю. Копайте землю и готовьте себе укрытия... Ещё раз говорю — любите землю. Она вас от гибели спасёт, врагу не отдаст...»

Шесть месяцев папа на передовой, участвует в боях. При взятии важной высоты, добровольно записавшись в ряды тех, кто пойдёт первым, командует одной из трёх штурмующих групп. За эту блестяще проведённую операцию отец награждён медалью «За боевые заслуги». Об этом бое он напишет рассказ, названный им «Штурм высоты» и отправит в фронтовую газету «За Родину», которая выходила и на татарском языке... Через несколько дней его вызывают в политуправление части. «Зачем? — думает отец с тревогой. — Неужели в моей работе опять что-то не то? Или хотят другое задание дать?» Записные книжки оставил товарищам, с просьбой, если с ним что-то случится, послать семье, и отправился в путь. Конец августа, незнакомая дорога по лесу, дождь. Весь мокрый, замёрзший, только к ночи добрался до нужного места. «Там меня познакомили с одним пожилым, приветливым майором, — пишет отец. — Ему, оказывается, поручено набрать кадры для татарской редакции газеты „За Родину“. Он предложил мне работать в этой газете. Я никак не ожидал такого предложения и не знал, что ответить. Я ведь нашёл уже своё место на фронте, и, кажется, неплохо исполняю свои обязанности. Майор, видимо, чувствуя мои сомнения, начал рассказывать о значении газеты для бойцов, о её роли в борьбе с врагом... Наконец, я согласился. После этого он увёл меня в свою землянку. Там он сказал, что мой рассказ попал в редакцию газеты „За Родину“ и лейтенант Хатип Усманов предложил меня корректором. По жилам разлилось тепло. Вспомнились студенческие годы, Хатип...»

Редакция газеты «За Родину» располагалась в сосновом лесу близ города Валдай в железнодорожном составе. В русской редакции работали поэты Михаил Светлов, Сергей Михалков, Михаил Матусовский, журналист Борис Изаков. В соседнем с ними купе — татарская редакция, где работал мой папа Нафик Ягудин. Здесь он особенно сблизился с поэтом Шарафом Мударрисом, они становятся близкими друзьями.

В редакции отец прослужит два года. Бессонные ночи, нервное напряжение дадут о себе знать — у него откроется язва желудка. После госпиталя он попал в запасной

полк, а в феврале 1945 года стал парторгом Конного Депо, дислоцированного в Польше. По служебным делам ездил в Варшаву, а после 9 мая оказался и в Берлине.

Все четыре года войны отец вёл дневники. Я нашёл после его смерти на чердаке нашего дома более двух десятков самодельных блокнотов с пожелтевшими листами. Я читал их и плакал. Благодаря этим записям у меня появилась документальная повесть об отце, названная «Это — жизнь...». Она вышла в Татарском книжном издательстве в 2015 году...

После войны отец начал жить в Башкортостане, встретил там нашу маму. Мои родители воспитали семерых детей. Отец продолжал писать, печатался в республиканских и районных газетах, стал лауреатом нескольких литературных конкурсов, Заслуженным учителем Башкирской АССР. Но, мне кажется, в глубине его души всё время было ощущение недовольства своей жизнью. Видимо, вспоминал предвоенное время, когда классики татарской литературы Мирсай Амир и Афзал Шамов высоко оценили художественные достоинства его романа «Казак». Союз писателей Татарстана принял решение издать его. Произошло это 21 июня 1941 года. Но утром следующего дня, как известно, было уже не до книг... А после войны роман подвергся критике с точки зрения большевистской идеологии. Но папа не захотел в нём ничего менять. На отрицательной рецензии его рукой написано: «Не надо предлагать новые темы, оценивайте написанное»... Так и осталась не исполненной мечта отца стать известным писателем. Но рукопись романа чудом сохранилась, и, набрав его текст в компьютере, я отправил в журнал «Казан утлары», где он вышел в 2017 году. Рамиль Ханнанов, готовивший роман к печати, так отозвался об отце: «Он пишет, зная атмосферу своей эпохи, она в романе поднята до уровня образа, чего нынешнему писателю трудно достичь. Автора задавила система, не дала ему стать классиком».

Рустам Тухватуллин:

И зажглась в душе мальчишки Рафаила искра — а ведь и он может стать писателем! И он начал посылать свои опыты в республиканские газеты «Яшь ленинчы», «Яшь сталинчы» («Молодой ленинец», «Молодой сталинец»), и в этих газетах, а также в журнале «Пионер каляме» («Пионерское перо») начали публиковаться его короткие рассказы. В 1939 году два рассказа заняли первое место на Республиканской олимпиаде. Кстати, папа никогда не говорил нам, что печататься начал ещё мальчишкой. Я узнал об этом только через 18 лет после смерти отца, обнаружив в архиве письмо его детского друга Махмута Хусаина. Они заочно познакомились в 1938 году через газету «Яшь ленинчы». Махмут Хусаин тогда жил в Казахстане. У них началась переписка. Довоенные письма моего отца Махмут абый прислал мне в 1974 году. Из этих писем я многое узнал о своём отце. Вот что он писал другу в Казахстан в своём письме перед самой войной: «В чувствах буря, в мыслях вихрь, в сердце половодье Волги... Я своей нынешней жизнью совсем, совсем недоволен. Душа моя что-то ищет... В эти дни я остановил свои занятия литературным творчеством. Я не вернусь в литературу, пока не найду ответы на тысячи жизненных вопросов... Однако, найдя ответы на эти вопросы, найдя свои тропинки в литературе, я вернусь в литературу с произведением, рождающим в сердцах дух борьбы, дух оптимизма. Может быть, для этого понадобится полжизни, вся моя жизнь. Но я добьюсь исполнения моих желаний, добьюсь!»

Эти строки в апреле 1941 года написал семнадцатилетний юноша. И уже в мае вместе с семидесятью сверстниками из района он уезжает в Донбасс, в Горловку работать шахтёром. Там узнает о начале войны. Первую бомбёжку Горловки встретит глубоко под землёй — вдруг перестанет работать отбойный молоток в его руке, и они

надолго застрянут в шахте, так как из-за прекращения подачи электричества не будет работать подъёмная клеть.

С началом войны юноши начнут сбегать из Донбасса домой. Первую партию беглецов арестуют и посадят в тюрьму, как покинувших оборонное предприятие. Вторую партию отправят учиться в ФЗУ Казани и Зеленодольска. А немцы уже вплотную приблизятся к Горловке, и однажды, в октябре месяце, в штреке прямо перед глазами Рафаила случится обвал, заваливший их мастера. На следующий день, похоронив его, пятеро юношей, не сговариваясь, молча пойдут по шпалам в сторону Татарстана. Без денег, без еды и воды, в одних шахтёрских рубашках, на ходу перескакивая из одного товарного поезда в другой, потом чудом попадут на пароход «Софья Перовская», устроившись грузчиками, а когда сойдут на пристани в Казани, будут прыгать и плясать от радости! С войны из этих юношей вернутся живыми только двое, оба инвалидами, оба ранеными в голову. Один из них — Рафаил, мой отец, другой — его друг Даулет, оставшийся с одним глазом...

Вернусь в 1941 год. Рафаила встретят в колхозе с радостью, ведь многие мужчины на фронте. Он работает в колхозе, поступает вольным слушателем в 10-й класс, параллельно учится на курсах трактористов. Окончив 10 класс, летом работает трактористом. А в августе 1942 года его призывают в армию. Весной 1943 года в боях под Оршей он получает первое ранение в руку. После излечения в госпитале опять попадает на фронт. В боях под Брянском получает второе ранение. После излечения в госпитале он, с тремя осколками в голове, получает инвалидность и возвращается домой, работает в школе военруком и учителем истории. Через шесть месяцев отец почему-то не стал продлевать инвалидность, и опять ушёл на фронт. Своему младшему брату он объяснил этот поступок словами: «Там кормят». В октябре 1944 года в боях под Ригой рядом с отцом взрывается немецкий снаряд, и он получает тяжелейшую контузию. Отнимается речь, начинают отниматься руки и ноги. Но отец восстановит речь чтением стихов, восстановит руки-ноги физическими упражнениями, и в январе 1945 года в двадцатилетнем возрасте, получив вторую группу инвалидности, вновь вернётся домой, в деревню Новый Кинер. Начнёт работать ответственным секретарём в районной газете, исходит вдоль и поперёк весь район «ради нескольких строчек», как пелось в популярной в те далёкие времена песне. «Хотя и было трудно из-за фронтовых ранений ходить пешком, это было очень полезно для моего будущего творчества. Мне не нужно было выдумывать образы, события...» — так напишет он в своей автобиографии «Судьба моих ровесников-современников». И с 1948 года он начнёт печатать свои рассказы сначала в республиканских газетах, в журнале «Совет эдебиты», потом в книгах-сборниках. В 1954 году выходит его первая книга «Знакомый гул», в 1957 году — книга «Рассказы моей деревни», которая будет издана и на русском языке в Москве, а отрывок из повести «Мой односельчанин Нэби» будет напечатан в газете «Правда». Писатель Рафаил Тухватуллин станет известен за пределами республики. В 1959 году, после окончания высших литературных курсов в Москве, он с семьёй переедет в город нефтяников Альметьевск, где проживёт до самой смерти в 1994 году. Несмотря на головные боли и сердечные приступы, напишет более тридцати книг.

Через семнадцать лет после смерти отца я начал приводить в порядок его архив и обнаружил неизданную рукопись повести «Кызыл туры» («Красно-гнедая лошадь»). Оказывается, он писал эту повесть последние шесть лет своей жизни, преодолевая сильнейшие головные боли. Но наступили девяностые, и художественные книги почти перестали издаваться. Папа пишет отчаянные письма в издательство, но всё бесполезно — нет финансирования. Для писателя это была трагедия. И не зря в народе

говорят, что беда не приходит одна. В 1993-м трагически погибает один из его сыновей, а самый младший заболевает, и папа, опираясь на трость, ходит оформлять ему инвалидность. И вскоре сердце фронтовика останавливается...

Обнаружив неизданные материалы отца, я решил подготовить книгу. Долго расшифровывал рукописи (почерк отца неразборчив), ввёл в компьютер. И обратился в фонд духовного возрождения «Рухият» ОАО «Татнефть». Книга была издана в 2013 году к 90-летию юбилею Рафаила Тухватуллина...

Когда я начал переписываться с Марсом Ягудиным, был поражён тем, что мы, не зная друг друга, делали ради памяти своих отцов общее благое дело. Ведь он через восемьдесят лет издал роман отца, рукопись которого провисела в сумке на гвозде чердака много десятилетий. Я тоже издал рукописи отца, пролежавшие под кроватью почти двадцать лет. И судьбы у нас с Марсом схожи. Мы оба много лет работали на заводе, оба потом стали заниматься творчеством...

Ныне мы с Марсом понимаем друг друга с полуслова. Провели две литературные встречи в библиотеках Набережных Челнов и Альметьевска, о чём писали газеты этих городов.

* * *

Вот так... Летели две кометы, каждая своим курсом. Вдруг случилось неожиданное воздействие, и они сблизились. Дальше уже летят параллельно. А неожиданным воздействием, толкнувшим нас друг к другу, стала сыновья память об отцах – учителях и учениках. И эта тяга любви и уважения к родителям, к родному языку, к народу уже не отпустит нас...

